

Антон ЮРТОВОЙ

- Аой!

,

,

18+

АНТОН Юртовой
– Аой!

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Юртовой А.

– Аой! / А. Юртовой — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Достоинство стиха способна упрочить авторская независимость. Это заметно по творчеству Антона Юртового. В нём нет опоры на партийные или иные корпоративные пристрастия и убеждения. Цель — быть ближе к вечным истинам, идёт ли речь о человеческих чувствах или жизненных принципах. Боевым кличем «— Аой!» в конце текстов или их частей сочинитель отмечает наиболее удачное, на его взгляд, воплощение им своих замыслов. Приём заимствован в старофранцузской традиции.

Содержание

ПОЭМЫ	6
Торжество любви	6
Настоящая	14
Отторжение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Антон Юртовой — Аой!

ПОЭМЫ

Торжество любви

Опять люблю, опять люблю!
Ольга Щукина,
российская поэтесса

Я любить не умел и любить не хотел
так,
как будто б то кем-то отмерено.
Об одной хоть и пел, но — себе надоел:
что в себе сохранил, —
не потеряно!

— Аой!

Чувства вихрем взнеслись — я её обожал!
Млея в сладостной неге, мечтой околдован,
я себя забывал, и хрустальный бокал
предо мной был
как будто всё полон.

Где конец наслаждениям, где ласкам предел?
Ненасытный в желаниях страстных,
я обет приносил ей и ярко горел
в упоенье, хмелея от счастья...

Как даётся легко предложение уз!
И как встречно ему поспешает согласие!
Обречён излукавленным быть
даже прочный союз.
Лишь любовью шлифуется главное.

Нам блаженство свивало прекрасный венок.
У обоих огнём полыхало возвышенное.
В обладаниях вспыхивал пышный восторг,
и сердца его музыку слышали.

Каждый миг ей прилежно служить;
быть в плену у своей неизбежности...
Мне казалось: я черпаю

вечную жизнь!
и плыву по её бесконечности...

Той стихией захваченный, я не роптал —
принималась в ней даже её монотонность.
Мне чудесной наградой казалась она.
А уж шла та стезя по наклонной...

Озаренье пришло: чем-то я утомлён...
 будто б с ней мы... и что она – тоже...
 На обман натывается сладостный сон.
 Он – не в руку, когда охоложено
 ложе.

Был какой-то посыл; он меня сторожил,
 рой предчувствий гоняя по кругу.
 Стыд замяв, я томился и медленно стыл,
 на себе ослабляя
    подпругу.

Не дано было мне в эту пору не знать,
как звезда за звездою с разгона
                        в кипящую
                                бездну
  срывается.

Есть любовь, и её никому не унять;
её щедростью жизнь восполняется.

Даже в первом и смутном броске
она в мощи не знает сравнений.
Я о ней узнавал в том... другом далеке...
Был тогда я ещё неумелым...

● Мы резвились, от детства едва отойдя.
И тогда уже эту девчонку
среди многих, волнуясь, я вмиг
отличал,
ей в себе открывая заслонку.

А ещё до того, ещё в малых летах
не однажды я видел её
обнажённой.
Нам в укор тогда не был распахнутый пах.
Все мы были равны – в распашонках.

Новый срок наступил,
                        никого не спросив;
в нём туманами прежнее светлое стлалось.

Ту девчонку-подростка уж ветер кружил,
в лёгкий ситец её обряжая.

Будто вспыхнуло всё, в чём она удалась,
броско платypiцеM скромным

подчёркнутое.

Я в рассеянье, немо таясь, уяснял:
ей идёт быть простой, но и — строгою...

Я постарше её был всего лишь чуток.

Но взросление к ней приходило

стремительней.

Ещё многое брал я с натугою в толк.

В ней же время кроилось рачительнее.

Мы дружили и знали друг друга сполна.

Встречи были забавны, приветливы.

Что-то веяло новым... Что я, что она, —

мы хотели бы слыть за несметливых...

В счёт ли взгляды её, будто б так, невзначай
на меня иногда устремляемые?

И цветочек улыбки на рдевших губах...

И — лучей озорства обаяние...

Ну а ветер кружил, всё кружил и грубел.

И случилось распятым запретное.

Завладеть у девчонки ветрюга успел

тайной, скрытой лишь

ситцевой бедностью.

Вот судьба: я вблизи оказался в тот миг.

Мне вести бы себя поприлежнее...

Но меня встормошил её горестный вскрик:

я уже развитой углядел её нежность...

Не скажу я про то ни за что никому.

В том поклясться пришлось мне, её выручая.

От неё отводили мы этим хулу.

В нас тогда уж искрилось начало...

Луг недалний ярился в цветах.

Ей букет там хотелось собрать попышнее.

Между лесом и полем тропинка туда.

В провожатые я напросился несмело.

Солнце грело легко, выбирая лишь нас.

Голубела небес необъятность.

Дозревавшая рожь вдаль волнами неслась.

Не бывает прогулок приятнее!

Взявшись за руки — поза двусмысленная.

Что с того! мы уж выросли —

больше не дети!

О запретах — не слышать бы и позабыть.

Сокровенному даже хорошие чужды

советы.

Мы друг друга касались щеками, шутя и смеясь.

Первый мой поцелуй был, однако ж,

не к шутке.

За такое она мне пощёчин отвесила всласть,

а могла б и — лозовыми прутьями.

Только что это — слёзы на гневных очах?

Разрыдалась она как в отчаянной скорби.

В свой черёд и меня уже сковывал страх:

как я с плачем управиться мог бы?

Я винулся, прощенья просил и молол чепуху.

Был согласен терпеть все её поношения.

Вдруг в порыве лицом она ткнулась мне в грудь.

Я с лихвой получал — за терпение!

Нас объятье сроднило — до звона в ушах.

Нам признаний хотелось до боли.

Тот несдержанный, первый, застенчивый шаг —

только он отделял нас от поля.

Рожь в себя зазвала, прошумев добротой.

Отводилось в ней нам

предназначенное.

Вверх от нас уплывал небосвод голубой;

по-над нами колосья раскачивались...

На лугу мы собрали роскошный

букет;

им скреплялось для нас наилучшее.

Но беречься должны мы, нарушив запрет:

свирепеют наветы по случаю...

Срок немалый уже проходил.

Сладки были свиданья украдкой.

Только тайному все же открыться момент

наступил.

Мы тонули в потоках злорадности.

Нас щадить было делом немислимым.

Миром чистое всюду залапано.
Ей досталось – горчайшее вынести.
Мне – бессрочною с нею разлукой
заплачено.

Я по краю ходил в неуютном забытом,
далёком краю.

Жизнь в углы от тоски загоняла.
На печаль и тугую разлуку мою
там не легче легло покрывало.

Одиноким остаться нигде не дадут,
если ты на виду да к тому же и – молод.
В обаянье сгорала и билась в ней суть;
им она оттесняла мой холод.

Что в молчанье своём сохраняла она?
Что в моих затрудненьях читала?
Трепетал под ресницами вздёрнутый взгляд,
и надбровья сходились в метаниях.

Я себя понуждал терпеливее быть.
Но уже и к иному спешил – очарован!
В уклонениях лишь распаляется прыть.
Залюбиться повторно – не ново.

Страсть дыханьем вздымала ей пышную грудь.
К атакующей ласке готовилась нега.
Та молодка закралась в мой скромный приют.
Удаётся легко отомкнуть даже небо.

Красота из неё была будто ключом.
Мне её она всю показала.
Я всчумел и не сразу очнулся при том.
Без конца мы впадали в начало.

Обожанье пришло, и теперь уж я сам
по ночами у себя её прятал.
Был, однако ж, там некий престранный
изъян;
он чёрнотой на праведных падал.

В поселение то ни один призывник
не вернулся из бойни кровавой.
И вдовиц, и девчат дефицит
истомил.
Был для них всяк случайный желанен.

И решились бабёнки на самое-самое.
Доставаться наличный им должен —
по жребию.
У проказниц, у каждой —
своё расписание.
Надлежало успеть —
в отведённое время...

Чудеса и сумбур! Свет сходил на мне!
Был такой оборот не иначе как ломаным.
И привёл он к тяжёлой и мрачной беде.
Моря слёз не хватило бы смыть это горе.

Той, что я согревал и уже дорожил,
от меня отступить никак не хотелось.
Тайный сговор завистниц бедняжку сгубил.
Отыскалась она под водою —
завёрнутой в невод...

Нет, забыть я не смог бы тоски и
неясных, тяжёлых
тревог...

Мне судьба их оставила в память.
Как бы ни был пахуч и изящен расцветший
сегодня цветок,
процветавший давно, до него, был во всём
ему равен.

Отлетают мечты, истомляясь в обычной
приязни.
Но и в узах не стыд покориться прибою и
зною
любви.
Ей своё отдаю, соглашаясь тащиться за нею
хотя бы по краю,
будто вечный невольник, в ней пробуя
вечную юную
жизнь.

Я любил и в любви забывал, как я ею бывал
околдован.
Нет, не в снах я в безумный восторг от неё
приходил.
Проникали в меня её новые звоны и чары,
и снова
я, позывы свои разделяя, себя у другой
находил.

Истончались мгновения; страсть как в огне
изгорала.
А уж ближе, стыдливый круженьем
и статью Венеры
маня,
подобраться спешила ко мне с замирающей
нежною тайной
та, что с прежней орбиты в свой пламенный жар
уводила меня.

Да, легко попадал я в те жадные, сладкие сети.
За одними другие с сетями своими за мною
гнались и гнались.
И куда бы я смог убежать — в этом
золото-солнечно-лунно-серебряном
свете,
если сам я желал, чтобы сети такие на мне
не рвались!

Оправданий не жажду: влеченья мои —
не пустая растрата.
Я любовные встречные сполохи, радуясь,
без промедленья в себя принимал
и за новою тайной
летел.
И винюсь я лишь в том (и да быть мне всегда
виноватым!),
что любовь, ту, которую я
в угожденье бранчливой молве
отвергал,
но,
по чести сказать,
непременно б отведать —
хотел.

Не ропщи, моё сердце, не внемли
унылым стенаниям вьюг.
Не смущайся проклятий и мудрым останься,
своё попрочней
затая.
Я со светлой печалью тебе одному лишь
несу откровение:
да,
я любил —
не одну,
потому что и многие также любили и даже,
я знаю,
теперь ещё
любят

меня!..

— Аой!

собранных зримых примеров,
молва вообще отвыкла
касаться подобной темы.
И всё же (и — тем не менее)
есть большое сомнение
о многом ином: — она не может
моргнуть хотя бы одним глазом,
а подмигнуть — тем паче,
быть и выглядеть строже,
не может соорудить рожу,
что-то забыть, надуться,
стать в реверансную позу,
неожиданно повернуться
поимпозантнее, попикуантнее,
приоткрыть и
на миг оставить
хотя бы клочок
лягвия,
то есть — увлечь

провокацией
подлинного,
ненасыщаемого
интима;
лицо, хотя и без грима,
бесстрастно — подобье маски;
уста не тронуты речью;
лабии скукой мечены,
ни для чего не предназначены.
Как ни судить, а мимо,
даже не валясь в прострацию,
тут проскользнёт каждый,
не оглядываясь,
и к нему предъявлять претензию
было бы делом лишним,
здравому смыслу в минус;
дело-то не в рассеянности
какого-то имярека,
тут ведь речь о существенном:
к ней, богине,
притронуться,
хотя и можно,
однако же —
нельзя

трогать!
Привычка к тому и от эпохи
наисквернейшей и века
самого заинтимленного и раскованного
казалась бы неестественной,
разве что кто-то из полоумных,

пренебрегая музейной стражей,
взялся бы гладить камень,
пробуя ощутить свежесть
предполагаемой тёплой кожи
или того больше —
холодные, каменяющие груди,
или уж самую прелесть
причинно-опального места,
не имеющего свойства
раздаться или сомкнуться,
поскольку оно сомкнуто
не до страстной, жгучей минуты,
которая не наступит,
и таким останется
навсегда, надолго,
чем к нему ни касайся,
пока изваяние
не искривится
и
не исчезнет
где-то в туманной вечности.
В общем здесь парадигма дерзкая:
изображать таинственное,
прекрасное,
ослепительное,
роскошное,
на земное только похожее,
да ещё и совершенно голое,
в материале, хотя и прочном,
но нео-душёв-лён-ном;
аналогия эта призрачная,
если и вообще
не
вне логики,
и оскорбительная —
для прототипицы —
обычной женщины.
Уж в ней-то видится
всё настоящее,
не к чести статуи
с её устойчивым,
будто бы вставленным
в неё
холодом
и другими,
ей присущими
многочисленными
нелепостями.

— Аой!

Как могли бы сказать ещё древние,
дело вовсе не в совершенстве
формы или в её несовершенстве,
а имеет место
растолкованное иначе «бы́»:
уже не проходит «абы-кабы».
Та, которая настоящая,
если взять её в идеале,
в самом её цветущем возрасте,
в теле пышном, развитом полностью,
в наряде, — в каком ни покажется,
а — прелестница и красавица, —
годами пусть только — из девочек
(что, впрочем, особо ценится), —
дать может фору каким угодно
нимфам, наядам, русалкам, феям;
в их, может быть, посрамление
её ничто не испортит,
ни родинки, ни веснушки;
пусть будет она и толстушкой,
долгоногой, поджарой — по моде,
коротышкой, по случаю вялых родов,
даже, не исключено, — дурнушкой,
но с приятной манерой зрения —
с романтическим откровением,
поволокой и страстным блеском
зрачков,
с лукавинкой,
прикрываемой
волшебствующими ресницами
(в этой озёрной стране основ,
оберегаемых танцующими зарницами
неиссякаемой привлекательности
и обаяния,
если кто и утонет,
а часто именно так бывает,
пощады никто — не желает);
ещё к тому — в размахе брови,
как крылья загадочной, вещей птицы,
безвесомой, взлетевшей и
не собирающейся садиться;
гипнотизирующие локоны;
ушки, готовые слушать
любой пустяк,
притом не всегда
шёпотом, —

ожидающие,
манящие,
не умеющие казаться
притворяющимися,
да-
рящие,
обещающие,
пусть и зыбкое,
но — согласие
к обладанию,
распаляющее,
истинное,
всеобъемлющее,
размягчаю-
щее
даже старый,
давно забывший
себя,
слежалый
лёд;
щёчки,
одна другой
краше,
лучше,
чем у любой из её подружек,
в их пунцовости-аловости;
на височках — пульсирующие жилки
голубенькие, тоненькие, а губы
пахнут румяною и удалю;
лицо анфас и в профиль —
в задумчивости,
в легкой истоме и
нежной чувственности;
хороша тут и родинка,
даже в виде мушки,
мнимая;
а улыбочка — солнечная,
просто царская,
завораживающая,
покоряю-
щая;
словом, всё, как ни крутить педали
и не лудить иерихонские трубы, —
подтверждением служит
ожиданиям и желаниям,
хоть и зряшным,
пустым,
никчёмным,
вечной

жизни,
как и юности,
тоже вечной,
не имеющей
горизонтов
и бездонной,
прости-
рающей-ся
во все стороны
в бесконечности.
Её
и её поцелуи —
вообще
судьбы
крушение!
И брать и трогать себя она не против
с любого края, частей середины
не только двумя, но и тремя руками,
короткими или длинными,
душить и качать себя в объятиях,
тащить в камыши или в развалины,
в берлогу, тальник, палаты,
в заповедные ли кущи рая,
а то и в ада горестные пределы,
было бы только это к делу,
на её благосклонный и
благорасполагающий
взгляд,
вести́мо.
Любые ей по душе стихии, —
в темноте или при ярком свете,
океан то или часть света,
пустыня ли, ураган, парная
баня с берёзовеничком,
с приглянувшимся ей парей,
в предвкушении его файла,
обещанного ей намёками
на свидание хотя б короткое,
с сугубо личным жарким признанием
или даже стихотворением,
пусть расхожим и безалаберным:
она ведь — сама — поэзия!
Разве тут кто удержится
доказать, что и в нём она светится:
рифмы сами собою лепятся,
и она ему вся по нраву:
открываются её таинства,
пламенеет её желание,
и без того

постоянно
жгучее; —
что ей теперь касания
лёгкие, скажем, к её щиколотке
розоватой, опрятной или —
к бедру и выше? —
само собою, —
уже
пьянящие,
настойчивые,
неотвязчивые,
горячие,
настоящие,
нарастающие, —
до рук и плеч,
атласа грудей,
с их торжествующею выпуклостью
и трепещущею упругостью;
к соскам, подзадоривающим
покалывающею шершавостью;
к нефертитной, уютной шее,
пахнущей молоком праматери,
лунного утра свежее;
к ямкам ключиц; к пробору
на голове; ко лбу; даже
к подмышкам —
обезумливающим,
летающим,
порхающим нбрам...

— Аой!

Тут не случается ничего лишнего;
ритуал этого сосредоточенного,
волнующего и торопливого
странствования не может
тянуться долго;
непремённо он
обернётся
книзу,
к пропущенному и
будто бы не замеченному,
при увлечении прелестью
торса,
месту,
стыдливей всего скрываемому,
но, безусловно,
предположенному

обоими
при уговоре о свидании.
Здесь уже диктуют правила
перпендикуляр восстания и
горизонталь
        влечения,
уже избыточного,
о коем она
наслышана,
ей знакомого
чуть ли не
с поры
её
взросления
по окончании
детства.
Демон страсти,
не входя в противоречие
с сутью общей теории
относительности,
очертясь,
        демонёя,
        деревеня,
упорно ласкает лоно,
вздымая до небес и выше
встречное жадное,
зазывающее,
ласкающее,
обволакивающее
соучастие.
И взрывается функция мирового
времени;
пространством напрочь забыто,
что оно есть сам космос;
самый ближний гром не слышен;
в экстазе неугомонное подлежащее! —
в искрящуюся
        вихревую бездну
упоительного восторга
оно несётся
вместе
со своим сказуемым.
Как серебристый звон бокалов —
бьётся,
        трепещет
        талия;
в атаке бушующая,
отуманивающая,
неудержимая

нега;
бёдер
    лихая,
    божественная,
        ликующая
            пляска;
труднее и
сбивчивее дыхание;
набухшие перси
вздымаются отрывистее, чаще;
а губы в губах — купаются.
Если такому взаимодействию
есть преграда, то, несомненно,
она —
одна и
единственная.
Демон, спеша и ярясь,
как обезумевший,
в предвкушении высочайшего
вознаграждения,
ей не оставит
никакого шанса,
тараня её,
    разрывая,
        ломаю,
причиня боль и
        страдание —
пóд-лежащей,
вводя её в отчаяние,
мгновенно переходящее
в оглушающий
        обоюдный
ступор
    финальной
        страсти!
Семя теперь в надёжном месте.
А как чарующи и ко времени
последующие,
пусть короткие,
минуты расслабленности
и
усыпляющего,
    сладостного,
        сладкого
        изнеможения!
И не выпорхнёт даже шёпотом
возникавшее ранее,
совсем недавно,
и упрятанное

глубо́ко,
будто б забытое:
                    «что́ — потом».
Но, как всем хорошо известно,
завершение —
                    начало нового.
Будет и у неё оно,
у настоящей женщины,
как продолжение
её желанию,
уже вы́свобожденному
окончательно,
подкреплённому
наивысшим и
возвышающим
удовольствием,
ей полученным
то́лько что;
и к нему она
                    готова
уже
снова,
не сходя с первого,
её увлекшего,
как рассыпанное
многоточие,
ложа,
обогретого
её
спешащей
                    виражной
                            страстью.
Демону это и вовсе на́ руку;
он — на волне удачи,
головокружительного везения;
с лёгкостью принимается
её устраивающее,
нетерпеливо ожидаемое
ею
молчаливое
                    ласковое,
                            трепетное
его
            приглашение,
обозначенное всего-то
хотя и лёгким,
но
настойчивым
                    прикосновением...

Дальше не будет уже счёта
очередным восхитительным
началам в цепи такого
неостановимого,
обессмертливующего
продолжения, —
с необъятной желанной траты —
колоссальной сдачи, —
эквивалента

женского
счастья!

Как ещё сказано в словниках и в анналах:
достойные, чудные копии —
с потрясающего и
великолепнейшего
оригинала!

— Аой!

Она станет невестой,
женою, наложницей, разведёнкою,
даже, возможно, шлюшкой.
Это уже по части чести,
важной самой по себе; но
что должно это значить
в жизни? Конечно, случай —
лучший

вестник
вселенной;

по тавтологии, он случается
очевидно,
всегда случайно;
без него не обходится
и в судьбе,
предназначенной
настоящей
женщине.

К ней прилепят
обязательно
жених, мужья — не вполне
гражданский или гражданский,
любовник моложе её, старше ли,
чаще только себе и верный,
из какого угодно пункта
на земле или на земной орбите,
из порядочных или мошенников,
из наивных или уже битый,
завязанный ли чистолюбой, распутник ли.

По накатанной закономерности
исчезают они мгновенно,
непременно,
чаще совсем, бесследно.
Поочерёдно или вперемежку
она примет каждого и без всякого
станет доброю, ласковою,
накормит и спать уложит,
распластается в заботливости,
примет за непреложное,
должное
быть женой или просто так,
не ревнивающей,
не плачущей,
на сносях,
роженицей ли,
матерью,
о потерянном печалющейся,
соглашающейся на малое,
извиняющей надругательства,
побои, ссоры, требования,
понукания;
не гнушающейся
любыми рисками,
не отказывающейся ни от чьих тисканий,
даже лёгких,
легкомысленных,
мимолётных,
их приемля
без ответных
слов ли, жестов ли,
но с готовностью
на измену
без отсрочек, без промедлений, —
в удержание удачи, счастья,
того,
полного,
недоставшегося.
Часто снятся ей любовь и трах,
новый суженый, появляющийся
реже, реже, как сонный прах;
не сбываются и гадания
на какой-либо гуще сваренные,
на сухих или сырых бобáх.
И старение уж недалнее;
настоящее —
что провалины
у порога ли, у окраины
ею пройденного,

явно лишнего,
неумышленно
забываемого.
Богатеющая или нищая,
она всё же утешается:
не такая уж она страдальца,
и
всему вопреки,
притихшая,
даже зная,
что надеяться ей
вроде б не на что,
согревает деток,
внуков,
правнуков,
если нет своих, то — принятых;
не устаёт и о себе печься,
прилагая усилия
с химией,
чтобы быть иль хотя б казаться
привлекательною,
даже
не-отразимою, как
когда-то —
в
далёкой юности,
чтобы, значит,
привлечь
внимание
озабоченных или грустных
демонов страсти,
да, само собой,
и
кому-то
из
них
враз
и
всерьёз
понравиться
(что и в самом деле
случается),
непрестанно в тайне жаждая
неотложного
сокрушительного
со стороны
такого избранника
обольщения.
Если ж тут всё никак не сходится,

ей приходится
запасаться
лишь терпением,
уповая
(что ж поделать-то?)
на какое ни
есть
обаяние,
её собственное,
неотъемлемое,
ей положенное
как естественное,
то,
    в котором она
                    уверилась,
как рождённая,
не считающаяся
с долей, может быть,
самой худшею
или только
лихой, несчастною,
не приемля и не ведая
в душе
    и сердце
ни кручины,
ни
постарения.
Тут уловка ей служит верная:
предпочтёт она довериться
лишь своим глазам, —
иного —
не
    требуется;
можно взглядом без щепетильности
до бесстыдности задерживаться
на любой единице мужского пола,
(если то, конечно, не хилый и глупый отрок
или дряхлый, ждущий кончины, старец),
на виду появляющейся впервые,
мимоходом ли, или знакомой;
здесь вполне возможна удача,
когда взгляд
наталкивается
на
встречный
    взгляд
да там же
ещё и
им

и —
неуёмный трепет похоти
(его —
    не скроешь!);
в румянце щёки;
лицо — пригожей;
в нём просвечивается
неумира-
    ющая
звёздная,
торжествующая
    гармония,
поубавилось
утомляющей
былой,
ненужной,
унылой
    строгости,
заменяющейся
лёгкою,
мягкою,
искреннею,
располагающею
улыбчивостью...
И удача, глядь,
не окажется только разовой,
воспоследуют
ожидаемые
спасительные,
утоляющие
повторения...
Так, с обманом ею самой себя,
могут протечь,
промелькнуть,
остаться вдали
дни,
недели,
месяцы,
годы...
Непременно
    найдётся повод
кого-то из числа бродников
исчезавших —
прежних
мужей ли, пробжиг ли,
женихавшихся хахалей,
зачерпнуть, так сказать,
    с поличным,
заявив о себе и прошлом,

и в единый миг
уж томит-полыхает-стелется
жажда стать
обладаемой
и осиленной
тою личностью,
что не каменная,
и при том уже —
                    не отдаться
не-
            принуждаемой,
изобильной
любви
и
беззаветной,
                безумной,
                        отважной
                                страсти.
Предпочтение — настоящей,
                                живой
                                женщине!
Загадочной — с потрясающею
неземною
её властью
над её
всегда и везде
неотступными,
стерегущими,
поджидающими
                        её
                                демонами,
их соблазнами;
с уступчивостью;
с желанием
не упустить своего, заветного,
до конца ни ею самой, ни
кем-то
не раскрытого
и
не раскрываемого;
не выказывающей усталости
ни в снегах, ни в отданиях
любовных,
                огневых,
                        пламенных.
Она проста —
                как уценка в маркете;
даже ежу иногда понятная;
доверчивая;

славная;
всегда
и на всё,
что просят её
                    отдать,
согласная;
послушная;
стыдливая;
в меру болтливая
как и —
                    несносная;
неприхотливая;
увлекающаяся;
не капризная;
незлобивая;
благодарная;
отзывающаяся;
внезапная;
выдающаяся,
зовущая;
сказочная,
как ночь рождения.
И кому же как не ей-то
быть и навсегда остаться
желанною и любимую?
Она-то и есть — богиня!
О! —
                    настоящая!

— Аой!

Отторжение

Умолкни муза! Звонкой лиры струны
Бесчувственность всеобщая сгубила.
Мой голос, бывший ласковым и юным,
Теперь охрип, и в сердце боль вступила.
Кого мне петь среди долин подлунной,
Средь душ глухих и грубых,
мне постылых?
Отечество скорбит под властью скверны,
Стяжательством отравлено безмерным.

*Луии Ваз де Камонс, «Лузиады»,
песнь десятая, октава 145.
Перевод О. Овчаренко*

- Я знаю: мир нестойк и безбожен;
следы на нём крошатся там и тут.

Остынет ласковое солнечное ложе,
в агонии дохнув вокруг себя
                кроваво-красным,
                            беспощадным
  жаром;
рассветы и закаты навсегда от нас уйдут
к мирам иным,
       где – прорва звёзд
                            поярче,
где смыслы бытия лишь в притяжениях
да в порушении того, что накопилось.

•
В последний раз, прощаясь,
                        улетая прочь
  неведомо куда
и видя под собой
            испелённую,
                вскорёженную,
                        скорбную
                                пустыню,
тоскливо и невнятно
                прокурлычат

истошилось
радостное
родовое
семя.

•
Приглашенное яростное,
зубчатое
огневое
пламя
гримасами
забвения и фальши
заскользит тогда
по полотнищам
знаменным.

•
И орды обречённых на безумие
гомункулов,
восстав, —
из отвращения
к их утеснённой,
горемычной
доле, —
властителей над ними —
предков тлена и пороков —
решатся
истребить...

•
Нет поворота вспять —
к былому,
к изначальному;
и не проявится лишь то,
что —
не рождалось!

•
Причин и следствий череда
в объятьях
мироздания
толкает к одному —
к гибели.
Себя рассудком
у роковой черты нам не дано
принять.

•
Мы всё ещё заботимся о славе,
о том, что время

в мёде растворится
и нас обдаст живительной росой.

•
Уж эти росы, —
в ярких свежих каплях оседающие
по ночам
или с приходом зорь
избытки
испарений, —
так густо окропившие
стихи
и прозу!
— Аой!

•
Ещё в зародыше
иронией и пошлым пересудом
прожигается
поделенный на всех
утробистый
расчёт —
остаться в памяти
сменяемых
беспечных поколений
и — как бы дольше продержаться
там.

•
Горьки, бессмысленны
благие
упования!

•
Куда и для чего
манит нас
предстоящий срок?

•
Как будто в нём бы удалось кому-то
поверхность вечно смутных,
измождённых,
ломких
будней
подправить благоденствием и благолепием,
чему вразрез
уже
нельзя

воочию
не видеть
взрыхленную
в неостановимом
долгом истреблении
матрицу
долин, полей, урем, —
когда-то над собою нас легко носивший
край
из ликующих просторов
и бессчётных
горизонтов —
отрада глазу
и грааль воспоминаний, —
по-детски розовый,
благословенный рай...

•
Под кров его убогий, одичалый
нам
теперь
стремиться —
с обожанием?
гордиться им —
без почитанья,
тупо,
слепо?

•
Усердие к тому
всегда копилось
в деспотах
и в их холопах,
на пики насаждавших
непоколе-
бимый,
взвешенный,
отважный
выбор.

•
Им — следовать?

•
Я — не берусь!

•
Туда ли, на вместилище алчбы,
раздоров,

ненависти,
расточительства
и боли,
я,
поэтировав,
вернусь?

•
Что мне там было б
в утешение,
приятным,
увлекало б,
зазывало?

Не то ль, чтоб мог я в одиночку переплыть
знакомые студёные и тёплые
моря?
протоки, реки и озёра обнырять и омуты
исчезть?
понежиться под кронами берёз, дубов иль
пальм?
к забытой беспорочности и бескорыстию
в намерениях,
к чести, верности
и чистоте
в духовном и в телесном
подтолкнуть
кого-то?
величием нагорий, гроз, лавин
и давних укреплений
восхититься?
абсурду следуя, проголосить за здравье
кому-то,
потерявшемуся
в лунных, серебристых снах?
рапирою проткнуть злодея?
простонать вороной?
увлечься игрищами,
строчкой ковыряя раны?
или — слышав сердца странный,
безотчётный,
гулкий
перестук,
в немых предчувствиях себя заледенить:
а —
вдруг?..

•

Да – нет; – не то.

•
Мне дорог путь иной,
устеленный смущеньем
  перед тайной
моей нескладно скроенной души,
забывшей о покое,
о всполохах корявой ностальгии,
о зависти к реченьям мудрецов,
бегущей прочь от рубрик похвалы и лести,
не принимающей костров и стуж
  вселенской лжи.

•
И! —
        что бы я без отторженья значил!

        — Аой!

•
Всегда нам ненавистно то, что губит волю
и, искривляя существо заветов,
  половинит разум.

•
Венец красавице невесте – словно щит
триумфа ждущему от завтрашнего боя,
  неискушённому,
  лукавому
  спартанцу, —
нелепа и смешна ей мысль
казаться незнакомым юным шалопаям
кривой и злобною каргою —
  в отдалённой,
        передрягами и нищетой замятой
  пресной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.